

Онтология поэзии Фридриха Гёльдерлина: ключ к поздней философии Мартина Хайдеггера

The ontology of poetry by Friedrich Hölderlin: a key to Martin Heidegger's late philosophy

Талалаева Е.Ю.

ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

e-mail: kater-.-ina@mail.ru

Talalaeva E.Yu.

Assistant lecturer, Philosophy and Methodology of Science Department, Derzhavin Tambov State University

e-mail: kater-.-ina@mail.ru

Аннотация

В данном исследовании реконструируются предпосылки к формированию позднего философствования Мартина Хайдеггера, изначально заложенные в представлениях немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина о божественной сущности поэтического языка. Автором аргументировано обосновывается позиция, согласно которой Хайдеггер в воззрениях Гёльдерлина на истоки и природу поэзии обнаружил ключ к преодолению возникших затруднений в решении вопроса о бытии и его взаимосвязи с языком в своём раннем фундаментальном труде «Бытии и времени». Особый акцент в исследовании ставится на сущностной значимости поэта как посредника между людьми и трансцендентными силами, способного возратить человечеству его подлинное бытие-в-мире, постепенно утрачиваемое в современную эру технологии.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Фридрих Гёльдерлин, поэт, поэзия, язык, бытие, боги.

Abstract

The study reconstructs the prerequisites for the formation of Martin Heidegger's late philosophizing. Initially they come from the ideas of the German poet Friedrich Hölderlin about the divine essence of the poetic language. The author argues that Heidegger discovered a key to overcoming the difficulties encountered in solving the question of being and its relationship with language in philosopher's early fundamental work "Being and Time" thanks to Hölderlin's views on the origins and nature of poetry. The research places particular emphasis on the essential importance of a poet as an intermediary between people and transcendental forces, which can return to humanity its true being-in-the-world that gradually being lost in the modern era of technology.

Keywords: Martin Heidegger, Friedrich Hölderlin, poet, poetry, language, being, gods.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.»

Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) по праву называют великим немецким поэтом, посвятившим свою жизнь дарованному свыше призванию. Гёльдерлин признавал лишь подлинное искусство, служба богам, а не людям. Австрийский литератор Стефан Цвейг писал:

«Ни один немецкий поэт не имел такой всепоглощающей веры в поэзию и её божественное происхождение, как Гёльдерлин. Он вложил в понятие поэзии свою собственную незапятнанную чистоту. <...> Подобно невидимому эфиру, заполняющему пространство между небом и землей, поэзия заполняет пропасть между высотами и глубинами духа, протягивая нить через разделяющую богов и людей пропасть» [6, р. 49].

Рассуждения Гёльдерлина о богах и божественной сущности поэзии во многом произрастают из его увлечения идеями Платона. Из них он почерпнул свои представления о красоте, добавив к ней трагические ноты, и важности мифа для мышления [3, р. 183]. Для немецкого поэта привлекательность платонизма заключалась, прежде всего, в преодолении раскола между «идеями» и «реальностью»: с позиции платонизма идея пронизывает реальность во всей её полноте. С опорой на эту позицию Гёльдерлин обратился к «мифологии разума», в которой миф является связующим звеном между логосом (*λόγος*) и поэзией (*ποίησις*). Согласно Гёльдерлину, поднимаясь над аллегорической символикой, миф порождает новую духовность, в рамках которой боги возникают как изначальные силы, а не просто абстрактные понятия. Однако подлинность этих мифических сил, являющихся по своей сути трансцендентными, с течением времени перестала признаваться поэтами. Однако Гёльдерлин полагал, что боги бытийствуют в непосредственной близости с поэтом, равно как и *природа* их породившая. В своём романе «Гиперион» [1] немецкий поэт развивает представления о *природе* как субстанции, наделённой способностью преодолеть смерть и восстановить утраченную гармонию жизни, компенсировав этим присущую ей *конечность*. Согласно такому описанию *природы*, боги действительно присутствуют в мире и принимают непосредственное участие в превращениях судьбы Гепириона, душа которого находится в гармонии с *природой*.

Современная Гёльдерлину Германия являлась для поэта особым местом, наследующим воспеваемой им Древней Греции, где существование поэта проявляет себя наиболее полно и совершенно. Древняя Греция в представлении Гёльдерлина это не просто земля, люди, боги и культура, скорее это образ долгожданного будущего, к которому следует стремиться. Следовательно, от Германии, как «Новой Древней Греции», он ожидает исполнения обещания о возвращении богов в новый мир. И способствовать этому возвращению может лишь поэзия, представляющая собой «растворение земной материи в духе, возвышение мира в абсолютном духе [*Weltgeist*]» [6, р. 63]. Таким образом, Гёльдерлин превращает поэзию в «зеркало для философии» [3, р. 188], он стремится глубоко переосмыслить поэтический язык, чтобы вернуть ему его изначальную функцию учителя человечества [5, р. 185].

Благодаря предпринятым Гёльдерлином усилиям, поэзия приобретает основополагающее значение для реальности, которое особо подчеркнул Хайдеггер в своём эссе о сущности поэзии. Философ пишет: «Поэзия есть обоснование посредством слова и в слове. Что же обосновывается таким образом? Непреходящее. <...> Именно непреходящее должно быть возведено к устойчивости супротив сноса его <по течению>, простое должно быть отвоено у замешательства и путаницы, а мера поставлена во главе безмерного. Открытым должно стать то, что в целом несет сущее. Но как раз это непреходящее летуче, склонно к бегству» [2, с. 15]. *Непреходящее*, заложенное в основу всего сущего, требует особой бережности со стороны поэта в сохранении и переносе его в поэтическое слово. Но каким образом подобное удаётся поэту? Хайдеггер описывает это следующим образом: «Поэт именует богов, но он именует и все вещи в том, в чем они сущи. <...> откуда поэт говорит сущностное слово, именно посредством этого поименования сущее впервые посвящается в то, что оно *есть*. <...> Поэзия есть словесное обоснование бытия» [там же, с. 15–16].

Хайдеггер в значительной мере благодаря онтологическим воззрениям Гёльдерлина обогатил свою позднюю философию принципиально новыми концепциями. Проникнув творчеством Гёльдерлина в начале 1930-х гг., Хайдеггер в течение всей жизни разделял философские взгляды, заложенные в его поэзии. Получив в 1936 г. приглашение от итальянского философа Дж. Джентиле выступить в Риме с лекцией о Гёльдерлине и сущности поэзии, Хайдеггер подготовил выступление с глубоким толкованием основных предпосылок формирования поэтической позиции Гёльдерлина, вскоре ставших центральной темой любой дис-

куссии, касающейся «поэтического мышления» [3, р. 193]. В частности, философом были рассмотрены вопросы о сущности поэзии как места происхождения языка в целом и значения поэтического языка как основы бытия и наивысшей необходимости мышления. Такой философско-герменевтический подход к исследованию поэзии был призван прояснить лирические стихотворения Гёльдерлина. Однако, справедливо возникает вопрос: почему Хайдеггер среди всех поэтов для своего философского анализа выбрал именно Гёльдерлина?

«И все же избран Гёльдерлин и только он» [2, с. 7]. Хайдеггер не отрицает, что рано и внезапно прерванное творчество Гёльдерлина может во многом уступать более основательным в плане реализации существа поэзии светилам, таким как Гомер, Данте или Гёте. Тем не менее, философ полагал, что: «поэзия Гёльдерлина исходит из поэтического призвания намеренно концентрировано творить существо поэзии. Гёльдерлин для нас в некоем отличительном смысле является *поэтом поэтов*. Поэтому-то он и вышел в финал» [там же, с. 8]. Стремясь исправить недоработки, допущенные в своём раннем философском труде *Бытия и времени* (1927), Хайдеггер нашёл в поэзии Гёльдерлина способ преодолеть несовершенство нашего обыденного языка. Обращение к творчеству немецкого поэта позволило мыслителю не только ощутить, в чём заключается «неправильность» такого языка и его ограниченность, но и наметить путь к чистому языку, способному решить сложившееся лингвистические проблемы. Среди таких проблем числится, прежде всего, злоупотребление словами в повседневной речи и, вследствие этого, своеобразный «износ» значения слова. Слова в современном мире нещадно эксплуатируются во множестве коммуникативных практик, а их значение интерпретируется в интересах говорящего. Таким образом, истинное значение слов и вещей, на которые они указывают, предаются забвению. Являясь изначально языковой личностью, человек постепенно лишается своего подлинного *бытия-в-мире*.

На момент передачи рукописи *Бытия и времени* для её опубликования в 1927 г. Хайдеггер ещё не нашёл способа преодолеть «обеднения» языка, несмотря на сконструированный им оригинальный терминологический аппарат, наделяющий слова повседневного языка принципиально новым значением. Философ полагал, что его фундаментальный труд остался незавершённым и лишь спустя годы поэзия Гёльдерлина дала ему ключ к пересмотру своего прежнего философствования. Начиная с 1930-х гг. акцент в размышлениях Хайдеггера постепенно смещается с центральной темы *Бытия и времени* – вопрошании о смысле *бытия*, на вопрос о смысле *языка*. Таким образом, в своих рассуждениях позднего периода творческой деятельности немецкий философ стремится к раскрытию изначальной потребности мышления в подлинном языке, благодаря которому человек обретает возможность восстановить в языке «дом бытия». В этом отношении, хайдеггеровские заметки в отношении поэзии Гёльдерлина предстают в качестве наиболее предпочтительного способа вновь подчеркнуть лингвистичность человеческой природы. Выражаясь словами Х.-Г. Гадамера, Хайдеггер «нанимает» Гёльдерлина как поэта, чья философская интуиция встраивается в онтологическую структуру языка. Именно Гёльдерлин позволил Хайдеггеру совершить *поворот* в своём философствовании и найти способ разрешить затруднения, возникшие перед философом в *Бытии и времени*. Таким образом, поэзия для Хайдеггера, поставленная мыслителем в центр позднего периода философствования, является способом развития и переосмысления положений, заявленных им в своём раннем фундаментальном труде.

Интерпретация Хайдеггером поэзии Гёльдерлина предоставляет плодотворную почву для развития широких дискуссий в научных кругах, где преимущественно подчёркивается как узкая направленность такого толкования, так и ставится акцент на существенных достоинствах подхода немецкого философа [3, р. 195]. «Узость» хайдеггеровской интерпретации состоит, прежде всего, в том, что философ заключил поэзию Гёльдерлина в рамки, налагаемые поиском ответа на вопрос о значении *бытия*. Акцентируя своё внимание на онтологическом поиске решения вопроса о бытии и языке, Хайдеггер фактически не учитывает эстетического аспекта поэзии Гёльдерлина, необходимого для полноценного понимания его творческого наследия. Это приводит к ситуации, в которой «поэтическое мышление» Хайдеггера способствует формированию образа немецкого поэта вне контекста таких существенных со-

ставляющих, как немецкий романтизм или идеализм, являющихся важной частью становления Гёльдерлина как поэта.

Осознанно уклоняясь от привлечения к своему философскому анализу указанных выше направлений, философ в интервью для журнала *Der Spiegel* следующим образом описывает своё отношение к Гёльдерлину: «Моё мышление сущностно связано с поэзией Гёльдерлина. Но я не думаю, что он является просто поэтом, чьё творчество наравне с многими другими представляет собой объект исследования для историков литературы. Я полагаю, что Гёльдерлин – это тот поэт, кто указывает на будущее, тот, кто ожидает бога» [4, р. 112]. Согласно представлениям Хайдеггера, Гёльдерлин является необходимым посредником, способным придать проблеме обоснования бытия особое сокровенное значение для поэзии и философии. Вслед за поэтом, Хайдеггер устремляет свою мысль в постижение исторического момента, запечатлённого в поэтическом опыте. Философ утверждает, что: «Поэзия – это не всего лишь некое сопроводительное украшение бытия, не некое временное воодушевление или исключительно эмоциональный разогрев и развлечение. Поэзия есть несущая основа истории» [2, с. 17]. В своей работе *Нужны ли поэты?* Хайдеггер описывает настоящую историческую эпоху как «тёмную», «скудную» и «смутную». Он особо подчёркивает, что для исторического опыта Гёльдерлина как поэта «вечер мировой эпохи клонится к ночи» [там же, с. 26]. Но если во времена Гёльдерлина ночь только предвещалась сумерками, то в эру технологизации мира «Мировая ночь ширит свой мрак» [там же]. В этой связи Хайдеггер поясняет: «Характерная особенность этой эпохи мира – отсутствие Бога, "зияние Бога" <...> Время ночи мира – это скудное, жалкое убогое время, ибо и становится оно всё более скудным и смутным» [там же]. Хайдеггер утверждает, что современная эпоха стала в столь существенной мере «оскудевшей», что человек уже начинает предавать забвению само *отсутствие* («зияние») Бога.

Если предположить, что понятие «Бог» подразумевает собой изначальный источник ценности в мире и, следовательно, является причиной внутренней ценности вещей, то, забывая о необходимости его присутствия в мире, человек постепенно теряет ценность мира. Пребывая в состоянии подобной «забывчивости», человек полагает, что ценность присуща вещам лишь в той мере, в какой они могут послужить средством определённой человеческой цели. Но если человек считает, что ничто не может быть ценным само по себе, без сопровождающих вещь инструментальных функций, то он действительно забывает о существовании Бога, способном придать внутреннюю ценность вещам независимо от их возможной пользы человеку. Таким образом, мировая ночь эпохи, констатируемая Хайдеггером, это не что иное, как отсутствие в человеческой жизни божественного света, когда «больше ни один бог не собирает вокруг себя зримо и бесспорно людей и вещи и не выстраивает из этого собрания мировую историю и человеческое в ней пребывание» [там же]. Именно такое утилитарное мировоззрение, согласно представлениям Хайдеггера, привело человечество к краю бездны (*Abgrund*).

Но что же должен делать поэт в эпоху, когда человечество стоит над пропастью? Вероятно, ключ к разгадке этого вопроса всё также следует искать в поэзии Гёльдерлина. В своём так и оставшимся незавершённом гимне «Мнемозина» [2, с. 27] немецкий поэт говорит:

«... Не всё небожители
могут. Ибо смертные раньше
касаются бездны. Значит, там
перемена эта случится.
Долго тянется время,
и все же истине должно случиться».

Гёльдерлин пишет о «перемене» – своего рода повороте, которой поспособствует тому, что человек оттолкнётся от дна бездны в полночь эпохи и устремится к свету нового бога или возвратившегося из небытия старого. Но только поэт из числа «смертных» способен, оказавшись в этой пропасти наравне с другими, бросить вызов ночи времени. Поэт в своих произведениях стремится преподнести бытие таким образом, чтобы получить возможность

преодолеть специфическое ценностное мировоззрение технологической эпохи. Хайдеггер особо подчёркивает, что достичь этого можно только в поэзии. В это скудное и тёмное время лишь при помощи поэтического языка человек обретает надежду избежать того насилия технологии, в ходе которого она лишает мир изначально присущей ему ценности. «Поэты – это те смертные, что <...> чуют следы скрывшихся богов, не сходят с этих следов и таким образом показывают родственным смертным путь к повороту» [2, с. 29]. По своей сути нынешняя историческая эпоха характеризуется утилитарным подходом человека в отношении окружающих его вещей, субъективная ценность которых определяется степенью той выгоды, что можно получить от их использования. «Скудность» и «технологичность» эпохи препятствуют обретению видения истинной ценности вещей и понятий, тем не менее, поэт способен приблизиться к её раскрытию. Только в поэзии человек способен найти дорогу, по которой он сможет вернуться из бездны, излечившись от причины забвения его подлинного существования в мире.

Хайдеггер обрёл в поэзии Гёльдерлина почву для своих суждений о поэзии как единственном способе «высветлить» бытие человека в той ночи, куда его привело забвение подлинной ценности мира. Гёльдерлин был убеждён, что человек «поэтически обитает» в мире, тогда как поэты – посланники богов, которые дают человеку возможность осознать эту истину. Поэтический язык помогает человеку освободиться от иллюзии языка как инструмента коммуникативной практики, он позволяет человеку осуществить своё поэтическое бытие в мире и на земле, побороть технологическое угнетение современной исторической эпохи. Хайдеггер полагал, что поэты равно с философами важны для понимания сущности бытия, так как они способны заново раскрыть его *природу*.

Литература

1. Гёльдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма / Ф. Гёльдерлин. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
2. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль / М. Хайдеггер / Сост., пер. с нем. и посл. Н. Болдырева. – М.: Водолей, 2017. – 240 с.
3. Brencio F. Foundation and Poetry: Heidegger as a reader of Hölderlin / F. Brencio // *Studia Philosophiae Christianae*. – Vol. 49. – No 4. – 2013. – Pp. 181-200.
4. Heidegger M. “Only a God Can Save Us”: *Der Spiege’s* Interview with Martin Heidegger (1966) / Heidegger M. // *The Heidegger Controversy: A Critical Reader* / ed. by R. Wolin. – London: The MIT Press, 1992. – Pp. 91-116.
5. Hölderlin F. ‘Oldest System Programme of German Idealism’ / F. Hölderlin // *Classic and Romantic German Aesthetics* / ed. by J.M. Bernstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – Pp. 185-188.
6. Zweig S. *The Struggle with Demon: Hölderlin, Kleist, Nietzsche* / S. Zweig / trans. by C. and E. Paul. – London: Pushkin Press, 2012. – 260 pp.